

Проблема производительности народного хозяйства¹

I. Гуманизация хозяйства

Мы находимся на такой стадии социалистического строительства, когда вся наша хозяйственная работа, где бы она ни протекала и в чем бы она ни заключалась, должна и может строиться под углом зрения разрешения поставленных перед нею задач.

Вместе с тем работа нашего хозяйственного механизма становится для нас все более прозрачной. Мы так далеко продвинулись вперед в организации, планировании и регулировании хозяйства, что, вообще говоря, уже можем отдельные звенья его приводить в движение, как элементы целостного механизма, работающего на осуществление общей цели. Работа этого механизма чем дальше, тем сильнее охватывается нами в ее целом.

Такой охват мы имеем и в контрольных цифрах каждого года. Именно как целым мы оперируем народным хозяйством, когда конструируем пятилетние перспективы и генеральный план нашего народнохозяйственного развития.

Мы прошли в этом отношении очень большой путь, и наступает время, когда нам следует уточнить смысл, который лежит в основе нашего планирования и регулирования хозяйства.

Перед нами, когда мы сталкиваемся с проблемами планирования, в особенности на длительные сроки, смутно маячит мысль о необходимости максимального повышения производительности нашего народного хозяйства. Мы убеждены, что в зависимости от той или иной экономической политики, от осуществления того или другого плана, от той или иной экономической программы, производительность народного хозяйства может оказаться большей или меньшей.

Проблема повышения производительности народного хозяйства нами пока еще не поставлена вполне отчетливо, но все мы молчаливо предполагаем, что какая-то установка на оптимальный вариант развития, на максимальную производительность народного хозяйства вполне возможна, а следовательно, должна быть положена в основу нашего планирования. Хотя проблема эта неясно, отрывочно, смутно уже стоит перед нами, но мы пока еще ее, как таковую,

¹ Статья дискуссионная. Ред.

не сформулировали, отчетливо не разработали. Больше того, для нас пока остается неясным, каково вообще определенное содержание такого понятия производительности народного хозяйства, и может ли производительность народного хозяйства быть вообще измерена. А между тем совершенно очевидно, что прежде чем ставить вопрос об экономических и технических методах достижения максимальной производительности, необходимо выяснить, что представляет собой это понятие.

У нас все подготовлено для того, чтобы поставить эту проблему, чтобы, с одной стороны, раскрыть содержание понятия производительности народного хозяйства и установить мерилу для ее измерения, а с другой, поставить вопрос о типе экономической политики, наиболее благоприятно разрешающей задачу максимального под'ема производительности народного хозяйства.

В этой статье мы хотели бы сделать известный шаг вперед в двух отношениях: в установлении понятия производительности народного хозяйства и в определении критерия для измерения возможных достижений на этом пути, оставляя пока в стороне вопрос об экономической политике, наиболее полно решающей эту задачу.

У нашего народного хозяйства есть своя определенная конечная задача. Она заключается в максимальном под'еме физического и духовного уровня жизни масс, в возможно более полном удовлетворении их потребностей, в повышении социалистического качества их труда и потребления.

Это есть начало того, о чем мечтали великие утописты, Фурье и Оуэн, и подготовляли величайшие революционеры — преобразователи — Маркс, Энгельс и Ленин.

„Когда сорганизуется, — писал Энгельс, — сознательное и разумное пользование современными производительными силами, согласно выясненным их свойствам, общественная анархия производства сменится общественно-планомерным его регулированием, соответственно потребностям всех и каждого, капиталистический способ присвоения... заменится, с одной стороны — непосредственно-общественным присвоением, как средством для поддержания и расширения производства, а с другой стороны — непосредственным индивидуальным присвоением, как средством существования и наслаждения“.¹

„Обобществление производства обеспечит всем членам общества существование не только материальное, вполне достаточное и постоянно улучшающееся, но и гарантирует им также свободное развитие и проявление их физических и духовных дарований... Анархия внутри общественного производства заменится планомерной, сознательной организацией. Законы собственной общественной деятельности (людей), которые до сих пор противопоставлялись им, как им чуждые и потому

¹ Фр. Энгельс, „Анти-Дюринг“, стр. 249.

господствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Об'ективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей. Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, а приводимые ими в движение исторические факторы станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы".¹

Забегая и по сравнению с нашим временем далеко вперед, Энгельс писал:

„Должна возникнуть такая организация производства, при которой производительный труд сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развиваться во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные. Труд, следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие".²

„Царство свободы, — писал об этом же Маркс, — начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью... Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль... совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое может, однако, расцветать лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие".³

В развернутом виде все это — музыка далекого будущего. Но тем не менее первые шаги в этом направлении мы делаем уже сейчас. Семичасовой рабочий день, политическая и производственная рабочая демократия, неслыханный гражданский и интеллектуальный рост миллионов, — пока еще слабо, но все же растущее и меняющееся потребление масс. Двигаться вместе со всей массой, сколько только можно, — в этом основная задача нашего народного хозяйства. Достигнуть на этом пути нам удастся пока чрезвычайно малого. И тем

¹ Там же, стр. 251—252.

² Там же, стр. 261.

³ Капитал, т. III, ч. 2, стр. 357.

не менее, наше продвижение вперед мы должны начать измерять успехами в отношении этой основной для всякого социалистического хозяйства задачи.

* * *

Эта задача является для нашего хозяйства основной. Но для сегодняшнего дня она не единственная задача. На ряду с ней перед нашей экономикой стоят сегодня еще и другие две дополнительные задачи:

- 1) обеспечить независимость и обороноспособность социалистического государства,
- 2) обеспечить форсированный рост социалистических элементов самого хозяйственного механизма.

Пока существует капиталистическое окружение, первая задача является необходимым коррективом к основному требованию под'ема жизни масс. Вторая же означает своего рода воспитательный протекционизм по отношению к социалистическим элементам нашей экономики (хотя бы и ценою временных жертв по другим линиям), и, как специальная задача, носит преходящий характер, сохраняя свое значение лишь на период, пока эти элементы хозяйства еще недостаточно окрепли.

Как ни веско самостоятельное значение обоих этих коррективов, они все же не могут лишить основную цель нашего хозяйствования ее длительно определяющего значения.

То или иное соотношение между всеми этими задачами не есть нечто раз навсегда данное. Удельный вес, значение, место занимаемое каждой из них в ходе исторического развития существенно меняются. На определенной стадии развития первое место принадлежит задаче утверждения революционной диктатуры. На другой — на первое место выступает задача обеспечения обороноспособности социалистической страны. На какой-либо третьей стадии в центр всех проблем становится усиление социалистических элементов самого хозяйства. На какой-либо другой ступени центральной становится задача социалистической реорганизации труда и повышения уровня и социалистического качества потребления населения и т. д. Но хотя в историческом разрезе на разных стадиях соотношение между этими задачами существенно меняется (а соответственно с этим меняется и удельный вес их в политике нашего строительства), тем не менее для эпохи в целом главенствующей является только одна из них: задача реорганизации жизни масс, задача социалистического преобразования, труда и потребления, по отношению к которой все остальные задачи занимают подчиненное место.¹

¹ Как сказано, это не исключает того, что на отдельных этапах эпохи соотношение между этими задачами может быть и прямо противоположным.

Маркс в своем „Введении к критике политической экономии“ говорит: „Анатомия высшего организма является ключом к анатомии низшего. Намеки на высшее у низших видов... могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно“. Экономика высших формаций дает нам ключ к пониманию экономики предшествующих образований, хотя и „не в том смысле, какой (иногда) придают этому..., стирая все исторические различия и во всех общественных формах находя формы“, свойственные высшим образованиям. Анализируя какое-либо общество, „совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу“ в развитой форме общества, „при чем это соотношение прямо противоположно... последовательности исторического развития“ („К критике политической экономии“, стр. 20,22).

Точно также и в нашем случае. Как бы ни менялось на отдельных ступенях развития соотношение между указанными задачами, для всей эпохи в целом характерно доминирующее значение задачи социалистического преобразования труда и жизни масс. И если для того или иного отрезка времени это соотношение из-за привходящих моментов не может быть в чистой форме соблюдено, то необходимые отклонения должны быть *expressis verbis* выявлены, как отчетливо взвешенные и точным образом мотивированные отклонения. На основной оптимальный (с точки зрения основной задачи) вариант в таком случае должны быть нанесены изменения, исчерпывающие, обоснованные указанными привходящими моментами, изменения, допустимые только в той мере, в какой они могут быть отчетливо мотивированы этими моментами.

II. Производство и потребление

Прежде чем идти дальше, мы должны сделать небольшой экскурс.

Исследователь нашего народного хозяйства должен будет сказать о нем, как и о всяком другом народном хозяйстве, что в построении его „исходным пунктом“ является „общественно-обусловленное производство“. Но как же примирить такой примат производства с нашим утверждением, что преобразование личной стороны труда и обеспечение определенного уровня личного потребления является именно той задачей, которая определяет все построение нашего народного хозяйства.

В самом деле, каково, вообще, марксистское понимание соотношения между производством и потреблением? В „Введении к критике политической экономии“ Маркс дал удивительно яркую характеристику взаимоотношений между производством и потреблением. Маркс констатирует глубочайшее внутреннее переплетение обоих.

„Идентичность потребления и производства проявляется... в тройном отношении.

1) Непосредственная идентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление.¹

2) То, что каждое из них является средством для другого и совершается с его помощью. Они вступают в отношения друг к другу, являясь как необходимое условие одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу.

Производство создает материал, как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность, как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства...

3) Производство не только является непосредственно потреблением, а потребление — непосредственно производством; производство выступает не только, как средство для потребления, а потребление, как цель для производства, т.е. каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — воображаемый предмет для производства. Но каждое из них не только включает в себе непосредственно другое и не только существует через его посредство, но и каждое из них, совершаясь, создает другое“ („К критике политической экономии“, Одесса, 1923, стр. 9—10).

„Потребление порождает производство..., производство... возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт“ (там же, стр. 8—9).

Маркс конструирует соотношение между производством, распределением, обменом и потреблением по типу органического взаимодействия. „Производство, распределение, обмен и потребление... образуют собою части целого, различия внутри единства“ (ib., стр. 15).

¹ Маркс поясняет это так: „Производство есть непосредственно также и потребление. Индивид, который развивает свои способности в производстве, также расходует их, потребляет в акте производства. Во-вторых, производство есть потребление средств производства. Поэтому самый акт производства во всех своих моментах есть также акт потребления... Производство, непосредственно отождествляющееся с потреблением... Это определение производительного потребления устанавливается только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственного потребления, которое, наоборот, мыслится, как уничтожающая противоположность...

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому, как в природе потребление химических элементов есть производство растения. Что, например, в процессе питания... человек воспроизводит свое собственное тело, — совершенно ясно; однако, это приложимо ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, воспроизводит человека. Это — потребительское производство. Это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, происходящий из уничтожения продукта первого.

В первом производителе овеществляет себя, во втором — персонифицируется вещь“ (там же стр. 7).

Производство определяет собой распределение, обмен и потребление. Распределение и потребление, в свою очередь, влияют на производство. „Производство в его односторонней форме, со своей стороны, определяется другими моментами... С изменением распределения изменяется производство... Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом“ (ib., стр. 15).

Но несмотря на то, что Маркс конструирует взаимоотношение между всеми этими моментами по типу органического взаимодействия, он за одним из тех моментов устанавливает преобладающее значение и приоритет. Таким доминирующим моментом является производство. Маркс пишет: „Производство в противоположности своих определенных охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная (форма) производства обуславливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу“ (там же, стр. 15).

Таково построение Маркса. Между тем, мы, поставив во главу угла народное потребление и личные моменты в народном труде, пошли как-будто прямопротивоположным путем. Не представляет ли такой подход разрыва с марксистским пониманием народного хозяйства.

В анализе частнохозяйственной экономики, построенной на обмене, такой подход был бы действительно неправилен, и прежде всего он был бы недопустим в отношении капиталистического общества. Но в отношении социалистического общества (и то лишь в известном аспекте) такой анализ все же правилен.

Во всяком несоциалистическом обществе, построенном на обмене, непосредственная связь между производством и потреблением разорвана. Для производителя продукт есть не предмет потребления, а товар. Целью производства является не потребление, а денежный доход. Между производством и потреблением здесь нет, таким образом, прямой и непосредственной связи.

„В обществе (товаропроизводителей. Л. Ш.) отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом“.

Но не только этот момент существен. Важно и другое. Если индивидум „производит в обществе, то непосредственное присвоение продукта не составляет его цели. Между производителем и продук-

том встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет долю производителя в мире продуктов; оно становится, следовательно, между производством и потреблением“ (там же, стр. 10—11).

„Общественная потребность“, т.-е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.), т.-е. общественными производственными отношениями“ (Капитал, т. III, ч. 1, стр. 156—157).

Но не только для отдельного производителя, а и для капиталистического общества в целом, точно также нет непосредственной связи между производством и потреблением. Капиталистическое общество является обществом бессубъектным. Уже поэтому здесь не может быть прямой связи между обоими. Непосредственная связь между общественным производством и общественным потреблением имеется только в социалистическом обществе.

Таково основное отличие между социализмом и всеми предшествующими общественными формациями. Но если такая непосредственная связь между общественным производством и потреблением здесь имеется налицо, то этим все же еще не решается вопрос о примате того или иного момента. Какому же из этих двух моментов принадлежит в социалистическом обществе примат? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Ответ на этот вопрос зависит от плоскости рассмотрения его. Если говорить о материальном ряде, то совершенно очевидно, что производство является первичным и всеопределяющим. Если говорить об общественной мотивации, то в этом аспекте доминирующим в социалистическом хозяйстве является момент потребностей.

Однако, если в этом аспекте задача удовлетворения общественных потребностей и является первичной, то все же самая возможность выдвижения такой задачи обусловлена социалистическим характером производства. И именно этот характер производства позволяет потреблению играть при социализме указанную роль.

Таким образом, даже в социалистическом обществе потребление определяется производством, притом определяется им вдвойне. Один раз в широком смысле этого слова, другой раз в узком, техническом смысле.

Именно общественно-организованный характер производства делает возможной постановку перед последним задачи обслуживания общественных потребностей. Если бы производство не было социалистически организовано, оно не могло бы быть прямо и непосредственно подчинено общественным запросам.

При социализме производство телеологически подчинено общественным потребностям. Но самая возможность такого соотношения между производством и потреблением вызвана к жизни социалистическим характером производства, и в этом смысле определяется последним. При социализме мы имеем телеологический примат потребления над производством. Но возможность такого прямого телеологического примата потребления каузально создана социалистическим характером производства и вне его вообще не была бы дана.

На ряду с этим потребление определяется производством еще и в другом смысле. Совершенно очевидно, что объем и состав народного потребления прикованы к реальным производственным возможностям общества и отнюдь не являются независимыми от него. Социалистическое производство определяется общественными потребностями, но тем не менее потребление и здесь очевидным образом стоит в зависимости от производственных возможностей общества. Только в пределах наличных возможностей производства общественное потребление может определять собою объем и состав производства. Но в этих границах (только в них) решающее слово может принадлежать заданной программе потребления.

Такая программа при социализме, действительно, играет решающую роль; но только в пределах того, что в качестве возможного заключено в самом производственном аппарате общества. В пределах этих возможностей конкретный объем и состав производства определяются прямыми велениями хозяйствующего субъекта.

Если рассматривать социалистическое хозяйство только как материальный ряд, то и при социализме производство предшествует, конечно, потреблению, а вместе с этим и примат принадлежит производству.

„Если рассматривать производство и потребление, как деятельность единого... субъекта..., они выступают, как моменты одного процесса... Производительная деятельность есть исходный пункт реализации, а потому и господствующий момент“ (ib., стр. 10).

Но в социалистическом планировании, в организованной общественной мотивации (а при социализме она является реальным фактором производства), в этом идеальном ряду приоритет принадлежит общественным потребностям.

„Потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т.-е. вызывая идеальный, внутренний побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, определяя его цель. И если ясно, что производство предлагает потреблению предмет в его внешней форме, то точно также ясно, что потребление создает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как импульс и как цель. Оно создает предмет производства в его еще субъективной форме. Без потребности нет производства“ („К критике политической экономии“, стр. 8).

Положение это имеет силу при любом общественном строе. Но только при социализме общественные потребности планомерно, прямо и непосредственно подчиняют себе общественное производство.

III. Потребление и накопление

Конечной целью нашей хозяйственной работы является максимально высокий уровень жизни: труда и потребления. Но совместим ли такой подъем с интересами развития производительных сил,—задачей, как будто бы, конкурирующей с быстрорастущим потреблением и сокращением рабочего дня.

Несовместимыми обе эти задачи могут показаться только на первый взгляд. На деле между ними нет коренного конфликта.

В самом деле, какова задача накопления? Очевидно, развертывание производительных сил. Но само развитие производительных сил имеет конечной целью подъем национального потребления.¹ При этих условиях не накопление, как самостоятельная задача, конкурирует с потреблением, как другой самостоятельной задачей, а два вида потребления конкурируют между собою: потребление в настоящем с потреблением в отдаленном будущем.

Предположим, что мы работаем над пятилетним планом народного хозяйства. Можно было бы наметить такой вариант его, который был бы построен на основе довольно слабого накопления. Такой вариант на протяжении ближайшего пятилетия мог бы, может быть, дать более высокое потребление, но он не обеспечил бы зато желательного размаха потребления на протяжении дальнейшего пятилетия. С другой стороны, если бы мы построили ближайшую пятилетку по типу замедленного роста потребления и значительно большего роста накопления, то в более отдаленном будущем мы получили бы заметно более бурный рост потребления. В итоге мы имели бы в пределах генерального плана два варианта возможного развития народного потребления, но не конфликт потребления, с одной стороны, и накопления—с другой.

Решая вопрос о том или другом варианте, мы решали бы, в сущности, не столько вопрос о пятилетних программах потребления и накопления, сколько вопрос о десятилетней программе потребления, вопрос о том, какое распределение потребления между отдельными отрезками времени, какая кривая

¹ „Прибавочный труд, вообще, как труд сверх данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется... вследствие необходимого соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением“ (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 356).

его роста является для десятилетнего периода в целом оптимальной; какая комбинация темпов роста по отдельным пятилеткам (и годам) давала бы за весь период в целом (не к концу периода, а за весь период в целом) наиболее благоприятные показатели.

Пятилетняя программа накопления может конкурировать с программой потребления за те же пять лет, но по отношению к потреблению следующих лет это накопление играет роль необходимого условия, а не конкурирующего момента. Если здесь есть какой-либо конфликт, то только между потреблением первого пятилетия и потреблением следующего пятилетия. Но этот конфликт, сводящийся к внутренней борьбе за распределение растущего потребления между отдельными отрезками десятилетия, легко может быть разрешен нахождением оптимального варианта развития потребления для всего десятилетия в целом.

В предыдущем речь шла преимущественно о количественной стороне потребления; но на ряду с этим руководящему органу нужно решать также вопрос о качественном составе его (как в материальной части: питание, жилище, одежда, спорт, так и в духовной части: книги, газеты, учеба, художественное развитие и т. д.). НКЗдрав, Наркомпрос, Наркомтруд и Культурный сектор Госплана (сугубо руководимые здесь партией) должны сформулировать максимальное (и вместе с тем реалистическое) задание по развитию потребления и реорганизации труда на указанный период, определив и количество и социалистическое качество обоих. На долю же экономических секторов Госплана должна лечь наметка возможного хозяйственного решения этой задачи, т. е. выработка оптимального, с точки зрения этой задачи, варианта народнохозяйственного развития, а после этого окончательное установление уже не желательных только, а реально возможных вариантов программ потребления и труда.

IV. Техника планирования

Первая задача социалистического планирования заключается в наметке директивной программы потребления. Но может ли такая наметка быть вообще произведена? Не наталкивается ли она на непреодолимые технические трудности?

Нам представляется, что задача эта может быть разрешена и что к решению ее следует идти, примерно, следующим путем: во-первых, намечается желательная программа потребления к концу разрабатываемого периода; во-вторых, определяется вытекающая из этой программы наметка народнохозяйственного развития на протяжении данного периода и, в частности, распределения ресурсов между потреблением и накоплением, поскольку без достаточного размаха накопления невозможно будет обеспечить заданную конечную программу потребления. Полученный, таким образом,

набросок народнохозяйственного развития даст, скорее всего, крайне неравномерное распределение потребления между началом и концом периода. Такой результат будет тем вероятнее, чем выше намеченный для конца периода уровень потребления. Слишком высокий конечный уровень потребления потребует слишком значительного накопления, а в связи с этим и резкого снижения потребления в течение большей части периода. Такой вариант потребления может и с общекультурной и с народнохозяйственной точки зрения оказаться мало целесообразным. Он может одновременно оказаться и мало приемлемым для населения. По выяснении этого придется, очевидно, выработать какой-то другой компромиссный вариант, построенный на более высоком потреблении в начале и более плавном росте его в конце — вариант, который может оказаться для периода в целом более благоприятным.

Но программа потребления к концу планируемого периода определяется не только указанными факторами. Она определяется еще и тем, какое развитие должно получить потребление в дальнейшем, за пределами рассматриваемого периода. Очевидно, что размах этого позднейшего потребления должен быть подготовлен соответственным накоплением, а следовательно, и соответственной урезкой потребления в предшествующие годы. Таким образом, развитие потребления к концу планируемого периода определяется двумя величинами: желательным потреблением в последующий отрезок времени и развитием потребления в предшествующем отрезке.

Потребление в начале планируемого периода влияет на потребление в конце его совершенно понятным образом. Пути определения второго первым ясны и понятны. Труднее решить вопрос о том, каким образом может влиять на конечную программу потребления возможное развитие потребления за пределами его. Трудность здесь заключается в том, что за пределами составляемого сейчас генерального плана наша плановая работа вообще еще не идет. Отсюда следует, что никаких наметок относительно развития потребления в дальнейшем у нас нет, а между тем, это дальнейшее потребление должно определить собою программу потребления к концу разрабатываемого периода.

Для каждого периода, для которого составляется хозяйственный план, должен быть разработан как план развития потребления, так и план накопления за этот период. Но оба эти плана представляют собою не две самостоятельные задачи, а часть какого-то третьего обобщающего их обоих плана, а именно — плана развития народного потребления за более длительный период. Следовательно, пятилетнее, скажем, развитие потребления является частью, а пятилетнее развитие накопления является предпосылкой десятилетнего плана потребления и телеологически определяется этим последним.

Эти взаимоотношения относятся в такой же мере и к пятнадцатилетнему и двадцатипятилетнему плану и т. д., из которых каждый должен определяться планом потребления за более длительный период. Решение вопроса ставится, таким образом, в зависимость от моментов все более отдаленного будущего. Мы отсылаем от пятилетнего плана накопления к десятилетнему плану потребления, а от последнего — к пятнадцатилетнему и двадцатипятилетнему и т. д., до бесконечности.

Теоретически из этого положения, как будто, нет выхода; но практически выход несомненно имеется.

Самый длительный из разрабатываемых к данному моменту перспективных планов будет для конечного своего отрезка всегда предварителен и условен. Если мы разрабатываем пятилетний план, не идя вообще дальше пятилетия, то условными и предварительными будут планы последних, скажем, двух лет пятилетия. Если мы будем разрабатывать пятнадцатилетний план, то условными будут планы третьего пятилетия генерального плана. Уточнить и твердо установить эти последние планы можно будет только позднее, когда планирование захватит более поздние даты и когда данное пятилетие перестанет быть последним планируемым пятилетием. Ибо проектировка последнего отрезка может быть произведена только с точки зрения намечаемого развития за пределами его, — вопрос, который решается только после наметки плана для более длительного периода.¹

Но поражает ли это положение вещей первый основной отрезок генерального плана? Предположим, что мы одновременно разрабатываем и пятнадцатилетний план и план первого пятилетия. Очевидно, что в этом случае годовые планы последних, скажем, трех или пяти лет пятнадцатилетия будут безусловно дефектными и условными. Это будет так, поскольку они должны определяться развитием потребления за пределами данного генерального плана, между тем как картина развития этого потребления пока еще не ясна. Но все это никак не относится к плану первого пятилетия, ибо этот план, при наличии наметки для дальнейших десяти лет, может быть окончательно разработан, несмотря на условность последнего отрезка пятнадцатилетнего плана. Ведь между первой пятилетней частью и последней, дефектной частью генерального плана лежит промежуток в пять — семь лет, промежуток, могущий

¹ Такое положение вещей имеется не только в отношении потребления и накопления. Когда мы составляем планы железнодорожного строительства, электростроительства, развития общего машиностроения, турбино- и дизелестроения и т. д., то планы эти в части, касающейся последних лет планируемого периода, могут быть установлены только под углом зрения развертывания других, обслуживаемых ими отраслей в следующий период. И совершенно очевидно, что последние годовые планы интересующих нас отраслей не могут быть окончательно разрешены, до тех пор пока не будет составлен план развертывания обслуживаемых отраслей в последующий период. До этого момента последние годовые планы интересующих нас отраслей могут носить только условный и предварительный характер.

быть достаточно полно разработанным. Даже эта более поздняя часть генерального плана стоит только в слабой зависимости от перспектив развития потребления за пределами пятнадцатилетия. От этих перспектив непосредственно зависят только планы последних трех-пяти лет генерального плана. Поскольку же в отношении промежуточного периода имеется достаточно твердая база планирования, совершенно очевидно, что сам он может уже совершенно устойчиво определять собой план первого пятилетия. Таким образом, эта часть плана отнюдь не находится под ударом последней, условной части пятнадцатилетней наметки.

В качестве общего вывода можно поэтому сказать: важно, чтобы неизбежно дефектная (последняя) часть об'емлющего плана была достаточно отдалена от того отрезка времени, для которого план разрабатывается окончательно. При этом условии органическая дефектность последнего отрезка генерального плана практически уже не может иметь решающего значения для устойчивости первой его части.

Таким образом, на деле, задача планирования под углом зрения потребления и реорганизации труда не представляет непреодолимых технических трудностей.

V. Общезначимая программа потребления

Трудности планирования, проводимого под углом зрения народного потребления и организации труда, не ограничиваются одной лишь затруднительностью увязки предстоящего потребления с настоящим и позднейшим потреблением. Возможность такого планирования стоит, прежде всего, в зависимости от другого момента. Я имею в виду вопрос о том, существует ли вообще возможность придать какой бы то ни было программе потребления необходимую общезначимость, независимо от того, есть ли эта программа предстоящего или настоящего или позднейшего потребления.

В самом деле, можно ли вообще установить нормативную средне-взвешенную программу народного потребления, которая могла бы претендовать на общезначимость и на этом основании могла бы лечь в основу производственного плана страны.

Если поверхностный конфликт между потреблением и накоплением может быть разрешен установлением об'емлющей программы потребления для более длительного периода, то ведь лишь при предположении, что независимо от периода планирования такая общезначимая программа, вообще говоря, может быть установлена. Но если такая обязательная программа потребления (из-за глубоко-индивидуального характера всякого потребления) в основе невозможна, то становится неразрешимой и проблема соподчинения потребления и накопления. Она становится неразрешимой не из-за внутренних труд-

ностей самой этой проблемы, а из-за невозможности придать какой бы то ни было вообще программе потребления необходимую общую силу.

Мы, таким образом, вдвойне подведены к вопросу, возможна ли вообще общезначимая программа народного потребления? Подавляющее большинство буржуазных экономистов отвечают на этот вопрос отрицательно, считая задачу эту теоретически неразрешимой. Аргументируется это обыкновенно так. Вопрос об „оптимальном удовлетворении потребностей населения“ может решаться только субъективно, а это исключает всякую возможность научно-объективного или какого-либо иного общезначимого решения.

Очень яркое выражение эта точка зрения нашла у Зомбарта. Полемизируя с Филипповичем, утверждающим, что „задача хозяйства состоит в поддержании жизни и жизнеспособности людей“, Зомбарт, в порыве всесокрушающего скепсиса, спрашивает: а из чего все это вытекает? В самом деле, „почему необходимо поддержание жизни людей и содействие ее расцвету? И если необходимо, то какого числа людей? Такого ли количества людей, которое в настоящее время живет, или вдвое большего? Или же неограниченного количества или только половины? В тот момент, когда вы ставите так вопрос, вы выдвигаете всю проблему населения, выдвигаете весь вопрос об ограничении рождаемости, вопрос о культуре масс или культуре отдельной личности и т. п. Но как хотите вы вести научный диспут об ограничении рождаемости, о культуре масс и т. д.? О том, наконец, приятнее ли жить в стране с населением в 100, 50 или 20 миллионов?“

И далее: „Что такое благосостояние? Можно ли вообще притти к единой концепции благосостояния? Присмотримся к этому вопросу. К благосостоянию относится и питание... Можно было бы сказать, что всякое производство средств питания есть производство благосостояния. Также и виноделие? Но тут противник алкоголя скажет, что виноградники не являются производительным помещением в этом смысле, хотя большинство отнесет их, быть может, даже к чрезвычайно производительным помещениям... Перейдем к благосостоянию, как жилищной проблеме. Где жить, в городе или деревне? Я легко могу допустить, что имеется большая группа, утверждающая, что постройка всякой жилой казармы является несчастьем для народа. Действительно ли постройка таких казарм несчастье? Производительна ли она? Содействует ли она под'ему благосостояния?“

Пойдем дальше. Постройка церквей. Означает ли она под'ем благосостояния? Верующий человек, конечно, скажет, что постройка церкви содействует под'ему благосостояния не в меньшей степени, чем похлебка, которую мы едим. Атеист же скажет, что позорно строить новую церковь, тратить деньги на подобный непроизводительный расход.

Попробуйте коснуться вопроса об одежде или других потребностей, или всей проблемы богатства, обставленности личной жизни,

или, наоборот, ценности аскетизма. Что же следует признать производительным? Было ли производительно то народное хозяйство, которое создавало крупный фонд потребительских благ для отдельной личности, или же нет? Или оно было исторически вредно? А всякие увеселительные предприятия? Кто решит, производительны ли строить варьете или нет? Я не хочу вдаваться в детали, а можно было бы привести еще более яркие случаи, когда неизбежны сомнения, связаны ли они с под'емом благосостояния общества или нет.

Теперь позвольте вас спросить, как же следует поступать со всеми этими понятиями? Если вы хотите все это научно diskutieren, то на чем мы могли бы сойтись друг с другом? Я не вижу никаких возможностей для этого. Все переходит в субъективные оценки, а субъективная оценка не поддается объективному установлению... Я хочу указать только на следующее — всякая оценка в конечном счете коренится в личном мировоззрении человека. Личное же мировоззрение всегда покоится на метафизическом базисе... лежит по ту сторону эмпирически-данного мира, и этих глубин мировоззрения не может достигнуть никакой лот научного познания. Это мы должны установить с полной ясностью и определенностью. Конечно, это своего рода резиньяция (самоотречение), но в известном смысле всякая зрелость связана с той или иной степенью резиньяции. Конечно, нам хотелось бы узнать, как нам лучше всего жить. Но это — такие вопросы, которые невозможно разрешить научным путем.¹

Аналогичное говорит и Лифман: „Нет такой науки, которая бы научила, как сделать людей довольными, лучшими и более счастливыми“.²

„В понятии народного благосостояния заключена вся этика мира“, — говорит Макс Вебер.³ А если так, то какое оно может иметь объективное и общезначимое значение.

То же говорит и К. Диль: „Все масштабы для измерения производительности могут быть поэтому: или технически-частнохозяйственными, но тогда они приводят к ясному, бесспорному решению, или же они действительно народнохозяйственные масштабы, и тогда они носят субъективный характер и не могут быть единодушно выставлены народнохозяйственными теориями“.

„Мы должны признать неразрешимой проблему дать народнохозяйственной производительности качественный масштаб, которому было бы обеспечено всеобщее признание... Наша наука бессильна установить какой-нибудь всеобщий масштаб, потому что здесь играет роль меняющиеся оценки и общественные идеалы“.⁴

¹ „Die Produktivität der Volkswirtschaft“. „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 132, W. Sombart, S. 567—569.

² Ibid. S. 580.

³ „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 581.

⁴ K. D. i. e. h. l., „Theoretische Nationalökonomie“, Bd. II., S. 31—35.

Или Гольдшейд: „В зависимости от того, ставится ли в качестве задачи и цели хозяйства повышение благосостояния, народное богатство, саморазвращивание личности или национальное могущество, видоизменяется также суждение о том, что следует считать продуктивным“.

„Расплывчатость и неопределенность понятия производительности происходит от вторжения хозяйства в другие нехозяйственные¹ сферы, от связанности хозяйства со всей культурной жизнью, от того, что понятие продуктивности включает в себе представление о каком-то оптимуме, что оно представляет собой понятие не чисто экономическое, а лежащее за пределами экономики — понятие мета-экономическое“.^{2 3}

Подавляющая часть буржуазных экономистов делает отсюда тот вывод, что установление общезначимой программы потребления невозможно.⁴

Если попытаться критически проверить эти утверждения, то следует, прежде всего, поставить вопрос, действительно ли для общезначимости программы народного потребления необходимо, чтобы она была установлена в качестве совершенно объективной, исключительно научной программы, лишенной какого бы то ни было субъективизма. На деле такой необходимости ни в какой мере нет. Для наших целей важно, чтобы такая программа была установлена, но отнюдь не обязательно, чтобы она пользовалась авторитетом математической достоверности.

Разве общезначимость остальных норм, устанавливаемых государственной властью, опирается на безукоризненную научную их доказуемость? Вспомнить хотя бы нормы гражданского, уголовного и административного права, всякие правила внутреннего распорядка на фабрике, в учреждении, учебном заведении, в доме, в трамвае, правила и нормы, регулирующие народное хозяйство: объем и стандарты производства, цены, налоги, тарифы, требования охраны труда и т. д., и т. п. Разве существует хотя бы один пункт относящийся сюда постановлений, который не вызывал бы крупнейших разногласий не только в населении, но и в инстанциях, его проводивших. С точки зрения чистоты научного обоснования, вероятно, ни один из трактуемых в них вопросов никогда не мог бы быть окончательно разрешен. Между тем, на деле эти нормы (заметьте: нормы, чрезвычайно глубоко вторгающиеся в личное поведение и личное хозяйство населения) обладают бесспорной общезначимостью. Все они действуют, а значительное большинство их выполняет свою общественную функцию достаточно хорошо.

¹ В оригинале, очевидно, ошибочно стоит: „хозяйственные“.

² В тексте стоит „metaökonomisch“, это, очевидно, опечатка.

³ R. Goldscheid, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 592—593.

⁴ Сам Гольдшейд к этой точке зрения не примыкает.

Но если таково положение вещей с указанными нормами, то в чем теоретическая невозможность распространения его и на программу народного потребления (конечно, при условии, что последняя будет составлена достаточно разумно, с достаточно осторожным учетом желаний самого населения и т. д.). Отмечаемые Зомбартом и другими теоретические дефекты общи, ведь, как такой программе потребления, так и всем вообще регулирующим нормам. До конца обоснованными научно ни один, ни другие не являются. В конечном счете все они берут свою силу не в исчерпывающе доказанных научных положениях, а в субъективных оценках и волеизъявлениях государственной власти. Почему же указание на теоретическую дефектность всякого государственного регулирования направляется только против установления программы народного потребления и минует остальные случаи государственного руководства личной жизнью.

Эту грубую непоследовательность, поразительную для скольконбудь вышколенного ума, можно объяснить только сочетанием рабского преклонения перед фактическим и традиционным, с критическим бесстрашием и нигилистической смелостью в отношении социально-новаторского.

Большинство остальных сфер жизни регулируется государством на протяжении столетий. Вся наша жизнь полна такого рода вмешательства. Оно стало неотъемлемой составной частью наших будней. В результате бесстрашные мыслители слепо проходят мимо этих огромнейших массивов теоретически дефектного вмешательства в жизнь населения. Но вот встает вопрос о замене хаоса частнокапиталистического хозяйствования целеустремленным общественно-организованным производством, поставленным на службу повышенного и рационализированного народного потребления и реорганизованного труда, и те же теоретики неистово штурмуют небо; и посмотрите как геростратовски роскошествуют они в своем скепсисе, как дух захватывающе смело ставят они „последние вопросы“: „почему необходимо поддержание жизни людей и содействие ее расцвету? Если необходимо, то какого числа людей“. Кто на это может ответить научно? (О, эти вопросы, в отличие от других требуют безукоризненно научного решения, или они вовсе не могут быть решены.) И чистый мыслитель дает взволнованному миру свой решающий приговор. „Это—такие вопросы, которые невозможно решить научно“. В отношении данной проблемы остается поэтому только одно: резиньяция.

* * *

Программа народного потребления может быть установлена государственной властью также авторитетно, как и остальные регулирующие нормы.

Мы имеем сейчас определенный объем и структуру расходной части крестьянских и рабочих бюджетов. И мы, несомненно, можем выдвинуть программу желательных (на протяжении пяти или десяти лет) изменений в этих бюджетах. Эта программа должна строиться с учетом требований народного здравоохранения, большей рационализации быта, необходимых начатков культурной революции, некоторого усиления общественных форм потребления за счет индивидуальных, т.е. с учетом необходимого усиления социалистических моментов в народном потреблении. Партия должна выдвинуть определенное задание по интеллектуальному и физическому подьему жизни масс и необходимому для этой цели развитию народного потребления и реорганизация труда. Именно партия должна решать этот центральный культурно-политический момент, синтезирующий все наше хозяйственное строительство.

В условиях „просвещенного абсолютизма“ государственно-установленная средняя программа потребления была бы внешне навязанной; в условиях советской демократии она будет означать организованное волеизъявление самих масс; а это значит, что она будет программой не только авторитарно данной, но и программой внутренне-авторитетной.

Правда, такого рода программа потребления не будет обладать значимостью какого-либо общепризнанного научного утверждения. Но было бы неправильным делать отсюда вывод, что она поэтому не может быть не чем иным, как совершенно субъективным, произвольным и ничем не фундаментированным волеизъявлением. Она уже по одному тому будет иметь известное объективное значение, что является волеизъявлением не индивидуальным, а общественно-организованным.

„Если отдельному лицу не всегда можно доказать, почему для него более обязательна одна цель, нежели другая, то, наоборот, установление той цели, которую должно ставить себе общество в соответствии с своей внутренней сущностью, является... проблемой, поддающейся... разрешению, подобно всякому иному чисто эмпирическому вопросу“.¹

Поскольку мы имеем дело с волеизъявлением общественного коллектива, такая программа не может не получить известного объективного значения. Разнобой индивидуальных оценок заменен здесь единством организованной общественной оценки. Если бы вопрос решался в последней инстанции каждым членом общества для себя, такая степень объективности была бы недостижима. Единство суждения могло бы здесь осуществиться только на основе совпадения решений каждого члена общества. Такого положения нет и не будет. Но если требуемое единство не может быть достигнуто в порядке первичного внутреннего совпадения стремлений отдельных членов общества, то следует ли отсюда, что оно не может быть создано другим, скажем, авторитарным путем? Конечно, не следует.

¹ R. Goldscheid, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 132, S. 598.

С большей или меньшей искусственностью такое авторитарное единство может быть создано при любом строе. С исключительной полнотой и естественностью оно может быть достигнуто в условиях советской системы. Больше чем какой бы то ни было другой строй, именно наша советская система может обеспечить авторитетное для народных масс установление программы потребления.

Мы глубоко взрыхлили сознание масс; в некоторых отношениях наша демократия постепенно становится настолько широкой и подлинной, что такая программа имеет все данные для того, чтобы состояться, как авторитетное для масс их собственное общественно-организованное решение. Вместе с тем, факт обобществления нашего производства делает такое коллективное волеизъявление не беспредметным, а фактором, прямо и непосредственно определяющим план национального производства. А это значит, что обобществленное производство ставится непосредственно на службу осуществления намеченной программы. У нас, поэтому, обеспечена не только возможность такого волеизъявления масс, но и всеопределяющее практическое значение его.

Нет ничего невозможного и в том, что у нас со временем будет три—четыре конкурирующих между собой варианта развития потребления и труда, построенных на различном распределении потребления на протяжении (и к концу) скажем, десятилетия, и что мы с этими предложениями пойдем к массам. Руководимые партией массы должны будут решать вопрос об объеме тех жертв, на которые они готовы идти, скажем, в первые пять лет для того, чтобы компенсировать себя укреплением обороноспособности и расширением потребления в следующее пятилетие. Вместо вороха цифр, необозримых для масс, варианты народнохозяйственного плана, переведенные на понятный язык объема и состава народного потребления и количества и качества труда, станут близкими массам. И массы получат действительную возможность по настоящему решать коренные вопросы нашего перспективного планирования.

В капиталистическом обществе массы потребителей не совпадают с массой производителей, а те и другие не совпадают с теми, кто определяет объем и состав производства в стране. Широкие массы производителей,—это не те, кто решает, что и как будет производиться; количество и структура фонда потребления определяется не теми, кто на самом деле производит и кто должен был бы потреблять.

В нашем государстве мы имеем единство масс, производящих, масс потребляющих и масс решающих экономические и политические вопросы. Это совпадение, со времени первобытного коммунизма не известное истории, подводит нас к реальной возможности установления общенародной программы потребления и производства. Слияние этих трех функций в одном носителе, в лице трудящихся масс, делает нас единственной страной, могущей по настоящему решить эту задачу.

* * *

Но этого мало. Программа народного потребления, в основе базирующаяся на коллективном волеизъявлении масс, отнюдь не должна быть поэтому совершенно оторвана от научно-доказательных моментов.

В развитии индивидуальной воли мы идем от инстинкта, влечений, смутных побуждений к более высоким образованиям, постепенно вбирающим в себя элементы очищенного чувства и широкого познания. Последние преобразуют инстинкты в волю, а волю делают все более организованной, превращая ее в устойчивый стержень нашего поведения. Тот же преобразовательный процесс идет и в сфере общественно-организованного волеизъявления. Даже в условиях классового общества элементы научного познания начинают все полнее (и все же только в определенных допускаемых классовым характером общества границах) определять собой решения соответственно организованного общества и тем самым делают их более устойчивыми. Такие оценки и решения становятся в известных пределах более объективными не только в том смысле, в каком общественно-организованные волеизъявления более объективны, нежели индивидуальные, но и со стороны научной обоснованности их внутреннего содержания.

Мы будем определять программу потребления, руководствуясь чем дальше, тем больше данными биологических наук, научной диететики, данными психологии, в частности, прикладной психологии и т. д. Научное знание будет в растущей мере определять объем и соотношение отдельных элементов социалистического потребления. Этот процесс будет идти в данной области точно так же, как он идет и в разработке и установлении норм гражданского уголовного права. И эти последние не поддаются и никогда не будут поддаваться безостаточному сведению к научно-доказуемым элементам. И тем не менее с ростом культуры они получают все более широкую научную базу, а в бесклассовом обществе научное содержание соответствующих им норм вырастет безмерно.

Вот почему наличие субъективно-психологических моментов не исключает возможности растущего научного фундаментирования такой программы народного потребления. Иначе надо было бы сказать, что и научная диететика, и гигиена, и санитария, и педагогика и прикладная психология невозможны, поскольку и в них элементы оценки и волеизъявления присутствуют неистребимо.

Мы имеем здесь, таким образом, второй источник растущего объективного значения программы народного потребления.

Мы установили возможность сформулировать общезначимую программу народного потребления. Мы можем поэтому сейчас перейти к основной нашей теме, к вопросу о производительности народного хозяйства.

(Окончание следует)